

БОЛЬШОЙ НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ

Игорь ГАРИН

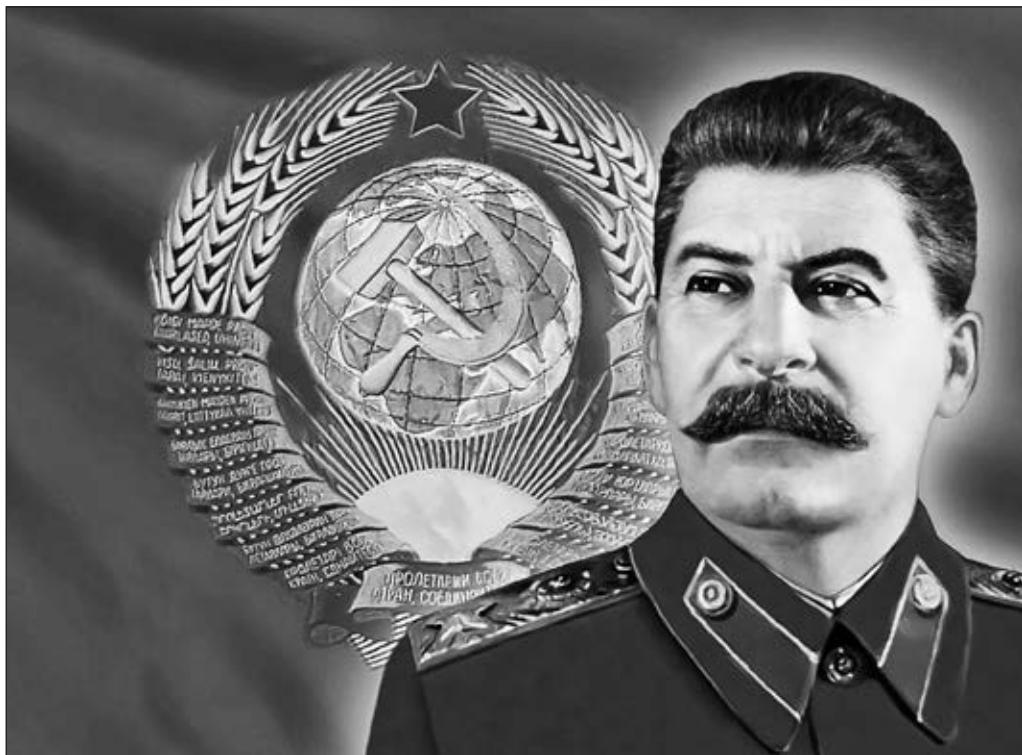
ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО СТАЛИНА

СЕКРЕТЫ ПСИХИКИ
И РЕКОНСТРУКЦИЯ
СМЕРТИ ТИРАНА

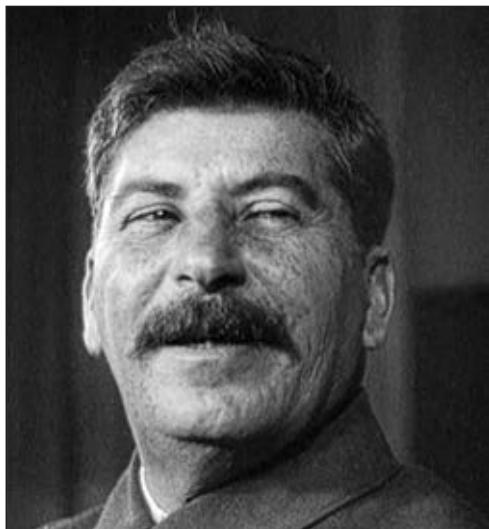
Харьков
«ФОЛИО»
2020

Предупреждение

Название этой книги нуждается в пояснении. Под двойным убийством обычно понимают уголовное преступление, когда жертвами становятся одновременно два человека. Но в исключительных случаях убийство готовится самоубийственным поведением человека. В этой книге рассказано не только о том, как убили Сталина, но и о том, как он убивал себя сам, причем тоже дважды. Один раз медленно — собственной деструктивностью, которая неизменно разрушает человека изнутри, постепенно превращая его в вурдалака, то ли мертвого, то ли живого. Второй раз быстро — грандиозной провокацией, направленной на тотальное уничтожение собственного окружения, которое на сей раз не смирилось с закланием, а взяло инициативу в свои руки. Но и окружение убило вождя дважды: первый раз — когда его отправил Берия, и второй — когда соратники отказались спасти отравленно-

Парадный портрет Иосифа Сталина — руководителя Советского государства и Коммунистической партии, генералиссимуса

Иосиф Сталин — Хозяин, пахан
и убийца

вик — типичный персонаж блатной песни. Сидели-то многие большевики, но уркаганом среди них был только Сталин. Убогий романтик, примитивный поэт, беспощадный политический деятель, пастьярь, пахан, убийца...

Но дело даже не в многоликости. Мы и сегодня живем на огромной «ране», нанесенной стране Сталиным, и это не социальная болезнь, а гигантская конструкция, которую мы не хотим разрушить. Что я имею в виду? Я имею в виду, что «бардак по-брежневски», или «по-горбачевски», или «по-ельцински» — следствие «порядка по-сталински»¹. Я имею в виду и то, что государство, выстроенное на холопстве, насилии, лжи, лицемерии, бесправии, цинизме, каким бы сильным и централизованным его не стремились представить, изначально является Големом, колоссом на глиняных ногах. Можно достаточно долго управлять страной при помощи страха, можно создавать жуткие орудия устрашения — атомные бомбы, ракеты, химическое и бактериологическое оружие, — можно заставить весь мир содрогаться перед такой жуткой «мощью», но совокупный исторический опыт свидетельствует о том, что все, **абсолютно все**, государства и империи, построенные на подобных основаниях, не только не достигли мирового господства, но рухнули, исчезли, ушли в небытие, оставив в лучшем случае черепки и руины.

На протяжении всей человеческой истории абсолютистские и тоталитарные государства «держались» на лжи, насилии и страхе, цементирова-

го, что в уголовном праве именуется «неоказанием помощи». Получается, что случилось четверное убийство, но это слишком мудрено для заголовка книги. Так что оставим, как есть.

У взыскательного читателя, знакомого с другими книгами автора, может возникнуть мысль: зачем после «Века Джойса», «Проклятых поэтов», «Пророков и поэтов» И. Гарину потребовался вурдалак Сталин? Попробую ответить, тем более что мне важно оправдаться и перед самим собой.

Кто-то назвал Сталина поэтом и бандитом: большевики ведь не зря считали уголовников «социально близкими»: самый главный большевик

¹ Македонов С. // Русский журнал. 10.08.2005.

лись тиранами и холопами (сталинскими «винтиками»), но как только погибали тираны и ослабевал страх, неизбежно начинался вышеупомянутый «бардак». Русское крепостничество, которое реставрировал Сталин, уничтожение кулаков, массовые репрессии не только обеспечили немецкую оккупационную администрацию тысячами коллаборационистов, но деморализовали и растлили патриотов и чиновников, отныне разумеющих только язык кнута и пряника, страха и жалких подачек.

Сегодня немало профессиональных «патриотов» и поклонников вождя в России ругают по чем зря власть своей страны за неспособность остановить китайское заселение Дальнего Востока, в нынешнем красном Китае видя потенциальную угрозу. Спрашивается: кто был отцом-основателем этого государства? Кто обучал его граждан, по-

«Гениальные ходы сталинской мысли» — депортация народов, ужасы геноцида, шовинистическая национальная политика — сегодня «выдаются» ксенофобией, фашизмом, невиданным сплочением весьма разрозненных в прошлом кавказских этносов, сплачиваемых общей идеей неприятия российской власти, усилением исламизма, уменьшением численности славянского населения страны, его нижайшим жизненным уровнем, невиданным всплеском преступности...

Сталин на праздновании своего 70-летия (слева направо) с Мао Цзэдуном, Николаем Булганиным, Вальтером Ульбрихтом и Юмжагиным Цеденбалом

сыпал специалистоов, строил заводы и передавал «братьям-пролетариям» высокие технологии? Кто снабдил Китай атомным оружием? Кто помогал становлению тяжелой промышленности Китая? Кто способствовал превращению отсталой аграрной страны в передовую и промышленную державу?

А на западных границах — кто так зажал «братские» народы, что пророссийски настроенная Центральная и Восточная Европа к концу 1980-х годов по степени русофобии намного обогнала Западную? Кто привел к разрыву отношений с Югославией и к резкому ослаблению российских позиций в этом регионе? Кто готовил отравление Тито и физическое устранение неугодных вождей «братьев-славян»?

Список сталинских просчетов — чего только стоит его «подготовка» к Отечественной войне?! — можно продолжать и продолжать, но один только тоталитарный характер выстроенной Сталиным страны отбросил эту страну чуть ли не на столетие назад именно в тот критический период истории, когда весь мир оказался на большом подъеме. Лишив человека свободы и личной инициативы, Сталин создал систему противоестественного отбора, действующую, кстати, по сей день, — систему, выбрасывающую наверх не талантливых и инициативных людей, но отбросы человеческие — номенклатурных мимикрирующих подхалимов, жополизов-«подвижников», приспособленцев-протеев.

Сложность «феномена Сталин» заключается в невозможности его описания с единой позиции. Понять Сталина можно, лишь выйдя за пределы логики, однозначности, последовательности, категоричности... Острый ум соседствовал в нем с невежественностью и провинциальностью, аналитичность и логичность — с семинарской ограниченностью, политическая режиссура, артистичность и лицедейство — с холопской примитивностью, харизматическая целеустремленность — с грандиозными просчетами, рационализм — с «судьбоносностью», здоровье «горца» — с психопатологией.

Государственный деятель и — интеллектуально ограниченный человек, вознесенный вопреки всем ожиданиям к вершине неограниченной власти; крупнейший военачальник, генералиссимус и — зашоренный фанатик, допустивший грандиозные потери в начале войны, творец новой национальной политики и — убийца целых народов; руководитель, «соратник» и — коварный палач старых товарищей по революционному движению; вождь и — диктатор, совершивший тяжелейшие экономические, политические и дипломатические просчеты, за которые по сей день продолжает расплачиваться так называемый советский народ.

Был ли Сталин той Личностью, о которой Шолохов после XX съезда заметил: «Был культ, но была и личность». Если, как некоторые, считать победной доктриной — «построение социализма в одной стране», то — был и олицетворял собою еще одну доктрину: «за ценой не постоим». Но если

измерять личность не темпами, не «великими переломами», не строительством «мировой державы», атомными бомбами, ракетами, лагерями, убийствами, жертвами, то Сталин предстает то как ветхозаветный мудрец, этакий добрый дедушка, чьим единственным желанием было благодетельствовать свой народ, то как Молох, не способный насытиться кровью того же самого народа, то как великий стратег и полководец, принимающий решения исключительно после долгого обдумывания и многочисленных консультаций, то как фанатик, движимый гибельной идеей, то как царь, стоящий над царями, то как босяк и грабитель с большой дороги, то как больной старик, страдающий от внутренней пустоты, заброшенности и одиночества, то как пирующий в компании друзей-сибаритов Лукулл и так далее.

Вначале меня сбивала с толку такая, мягко говоря, «разноголосица» или «непоследовательность», я долгое время просто не доверял самому себе, своим собственным ощущениям: действительно ли это он во мне, или я просто «плохой ученик», ловящий какие-то обрывки общечеловеческих качеств. Но со временем я понял, что само человеческое «величие», то, что представляется малым сим человеческим олимпом, и есть эта дикая мешаница, граничащее с психопатией сосуществование в сознании человека взаимоисключающих и несовместимых побуждений и черт.

Если вы прочтете достаточно много книг о Цинь Ши Хуанди, Александре Македонском, Цезаре, Наполеоне, Ленине, Гитлере, Сталине, то каждый из них размножится так, как делились герои «Поминок по Финнегану» Джеймса Джойса: что не писатель или историк — то новый образ. Я утверждаю, что парадокс подобного «величия» в том и состоит, что все эти образы существуют в прототипе, и именно такое «существование» позволяет совершенно разным людям находить персональный отзвук в историческом герое, дает возможность войти с ним в резонанс, ощутить в нем то, что человек ощущает в себе самом. И чем выше возвышается царь или вождь над малыми сими, тем сложнее и неоднозначнее его внутренняя структура, его психика, его психопатология.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что «мой Сталин» сильно деформирован моим сознанием. Допускаю даже, что не пожалел темной краски. Но тут я могу лишь просить извинения у читателя — ведь это «мой Сталин», портрет которого пропущен через мое сознание, то есть через мою пристрастность, мою субъективность, мои ассоциации. Что до пресловутой «объективности», на которую часто претендуют писатели и художники, то это одна из многочисленных человеческих химер, глупых и безосновательных посягательств на прерогативу Бога. Для иллюстрации сказанного приведу единственный пример: Д. А. Волкогонов пытался писать о Сталине, опираясь на архивные материалы. Но я-то знаю, что он использовал только те тексты, которые подходили к его концепции. А все остальное пропускал...

Еще об истории, точнее об исторической строгости. Принято считать, что в основе истории лежат исторические документы и что только история, основанная на них, является единственной подлинной. Оспорю то и другое. Во-первых, исторические документы пишутся людьми и в угоду людям — я уж не говорю о сознательных фальсификациях и подделках. Во-вторых, я не верю в существование «подлинной истории», которую если кто и знает, то Господь Бог. В-третьих, для чего каждое поколение переписывает историю, если не для того, чтобы выставить нечто в новом или выгодном для себя свете? Сказанное, конечно, не означает, что следует поощрять исторический волонтаризм и релятивизм. Сказанное означает, что бережное отношение к истории невозможно без бережного отношения к человеку, без доверия к нему.

Что до меня лично, то я гораздо больше доверяю интуициям таких великих историков, как Гибbon или Тойнби, чем «объективности» наших — вон сколько бумаги извели, а где она «подлинная история»? А ведь, наверное, много лесов вырубили для того, чтобы одну фальшивку наслаждаться на другую? Занимаясь наукой, человек проявляет не только свою изобретательность, но и свою разрушительность: в данном случае уничтожает огромные леса, дабы плодить еще большие небылицы. Слава богу, сегодня многие понимают, что наука — вовсе не та сверкающая богиня, какой она представлялась последователям Гельвеция и Дидро. Можете как угодно относиться к последующему утверждению, но жизнь научила меня больше ценить факты, живущие во мне, нежели навязываемые мне извне. Для меня высший факт — соприкосновение и единение души с Богом, всё остальное — только потенция.

Что до самих «исторических текстов», то историки еще не осознали масштабы опасности, грозящей основам исторической науки со стороны интернета. Сегодня с помощью компьютера и ксерокса любой студент может «создать» любой «исторический документ», сначала взяв «заготовки» из интернета, а затем запустив туда фальшивку собственного изготовления. Я могу без преувеличения заявить, что и ныне около 50% вновь появившихся в интернете материалов на тему данной книги — ловко сработанные фальшивки. Бедные, бедные историки будущего, жалкая «объективность»...

Кстати, коммунистическая идеология породила у меня глубинную неприязнь к самому понятию «объективности», за которым в стране-совке скрывалось всё что угодно, кроме правды и, прежде всего, — идеологические измышления, предвзятость, тенденциозность, жуткое и бес совестное извращение фактов. Даже так называемой объективности «исторических фактов» я предпочитаю собственные чувствования и интуиции, куда более для меня реальные. Я убежден в том, что исследователь должен опираться на историю, как и в том, что значимость исследования определяется харизмой, мощью переживаний и, если хотите, полетом фантазии автора. Хотим

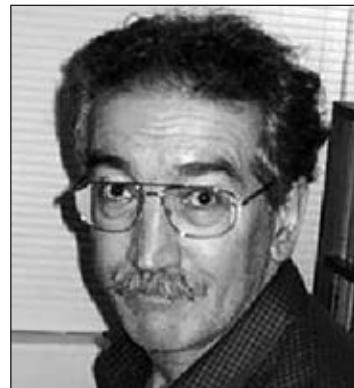
мы того или нет, но в каждом из нас, кто родом из СССР, может быть, в каждом человеке вообще, «живет Сталин», мы тоже часто пытаемся обмануть себя в оценках собственных действий и поэтому самоанализ просто необходим для проникновения в глубины личности «отца народов».

В этом отношении я на стороне Д. Ранкур-Лаферриера¹ и солидаризуюсь с нижеследующим его высказыванием: «Познавая природу собственных душ, мы тем самым увеличиваем, а не уменьшаем возможность приблизиться к “объективному” Сталину, даже если в конечном счете полное сближение и должно быть признано недостижимым. Мы расширяем, а не сужаем инструментарий нашего научного анализа, так как помимо биографий, архивов, литературных описаний, свидетельств оставшихся в живых очевидцев и прочее, мы также можем использовать самих себя — наши дневные грезы и ночные сны, ошибки при письме, нашу глубинную интуицию — как правомерные источники информации о Сталине».

Я бы сказал больше: изображение психосферы исторического деятеля неизбежно включает элементы психики художника; психоаналитическое явление переноса относится, прежде всего, к переносу характера личности историка на излагаемый им исторический материал. Именно поэтому столько Шекспиров, сколько пишущих о нем.

В меру собственного, так сказать, малого деспотизма мы способны понять природу тирании государственной. Такого рода переносы, проекции, эпифании, отождествления, наложения образов, психические кальки неизбежны и необходимы — требуется лишь правильное масштабирование, понимание разницы между макро- и микромирами.

В отличие от большинства исследователей личности Сталина, я не испытываю к нему чувства отвращения по той простой причине, что он являл собой много «слишком человеческого» — концентрированное скопище того, что в той или иной мере живет в каждом из нас. Ведь каждый человек тоже возводит китайскую стену против всего, что его раздражает, и каждый хоть в раз жизни мечтает и фантазирует о расправе над своими врагами... В 1937-м людей расстреливали только за то, что находили у них «контрреволюционный документ» — так именовалось завещание Ленина, в котором говорилось о грубости, нетерпимости и капризности генсека, то есть Сталина. А разве в сознании оскорбленного эвримена порой не возникают

Дэниел Ранкур-Лаферриер

¹ Д. Ранкур-Лаферриер — автор книги «Психика Сталина», в которой наряду с историческими документами широко использован «материал» собственных снов и глубинных переживаний самого писателя. (Здесь и далее прим. автора.)

яркие картинки расправы над хулиганием, разве в бессильной злобе он не прячет в недра бессознательного свои разрушительные фантазии, как это делал Сталин, еще не став «величайшим из ныне живущих»?

Приведу два откровенных признания, поясняющих интерес людей к Сталину: «В нас живет потребность быть Сталиным, потому что через личность Сталина мы в какой-то мере познаем *самых себя*»; «Мы были бы не в состоянии постичь необузданную мегаломанию Сталина, его паранойю, садизм, нарциссизм и прочее, если бы не испытали этих явлений в себе — хотя и в гораздо более слабой форме, не имеющей общественно-политических последствий. Сталин напоминает нам самих себя даже тогда, когда мы приходим в ужас от его патологических деяний»¹.

Здесь требуется сделать одно замечание. Можно переживать связанные с прикосновением к ненавистному тебе историческому типу сильные эмоции, пугающие и отталкивающие, но нельзя идти у них на поводу. Я понимаю, что мое отношение к этому человеку характеризуется, если не прощением, то скорее чувством жалости, нежели ненависти. Жалости к убийце миллионов? — слышу недоуменный вопрос. Отвечу вопросом: а как ты, мой читатель, относишься к природным катастрофам или к бесследному исчезновению целых народов в ходе исторического процесса? Чем природный катаклизм отличается от катаклизма политического? Почему мы готовы простить себя в мелочах и отказываем ближнему в прощении того, что не кажется нам «мелочами»?

У читателя может возникнуть естественный вопрос: что привлекает внимание тысяч авторов к чудовищному садисту, уничтожившему миллионы людей? Помимо прочего, речь здесь идет о природе интереса писателей, исследующих психопатологические типы в истории — дегенератов у власти, как определил этот феномен А. С. Кронфельд². Глубинная связь между автором и персонажем, скажем, между Федором Михайловичем Достоевским и братьями Карамазовыми является, как говорится, притчей во языцах литературной критики. Бессспорно, всегда есть место для самоуподобления — никто не возьмется за исследование личности имярек без доли самоотождествления.

Для подтверждения сказанного можно привести такое признание автора вышеупомяну-

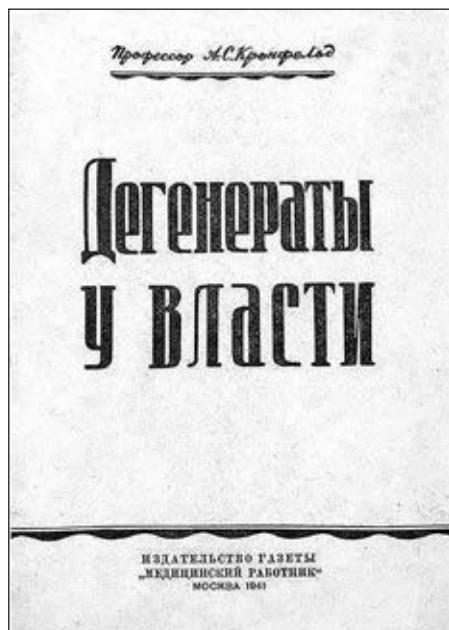
¹ Автор цитирует выступление доктора Морейтиса на конференции, посвященной личности Сталина.

² Имеется в виду брошюра А. С. Кронфельда «Дегенераты у власти».

той книги «Психика Сталина»: «Я убежден, что даже биограф Сталина, не имеющий никакого отношения к психоанализу, отводит Сталину место в своих фантазиях. Это означает, что во многих биографиях Сталина бьется слабая жила мазохизма — авторы исполнены “чувствия омерзения” и все же продолжают заниматься “омерзительным” объектом своего исследования. Разве это противоречит тому, что объект их имел садистские наклонности? Р. Такер говорит нам, что его друзья стали называть его “последней жертвой Сталина”». Дабы долго не рассусоливать на эту тему, отвечу без обиняков: все эти люди (сказанное полностью относится и к автору) так или иначе имели собственный негативный психический опыт, заостривший указанный интерес. Во всяком случае, мне трудно себе представить пещерного буддийского гуру или христианского старца-отшельника, пишущих на эту тему. Признаюсь, что мой собственный отрицательный опыт почти всецело продиктован бесконечным ужасом от того, что вся моя сознательная жизнь прошла в «совке» среди «строителей коммунизма» и «течеискателей»¹, сочувственно, даже любовно относившихся к своим босховским и брейгелевским вождям.

Психопатология вождя социально опасна, заразна, катастрофична: действуя подобно распространению смертельных вирусов, она заражает вначале ближайшее окружение, а затем и все общество. Патогенность вождей разрушительна. Распространяясь, как пандемия, она ведет к деградации страны и к гибели самого тирана.

¹ Этот символический образ своим происхождением обязан тому, что автор, физик по профессии, всю жизнь проработал на режимном объекте, находящимся под бдительным оком первых, вторых и третьих отделов, функцией которых было устранить утечку якобы секретной информации.

Обложка книги «Дегенераты у власти» А. С. Кронфельда

Роберт Чарльз Такер

Содержание

Предупреждение	3
Муравьи	12
Человеческая разрушительность	24
Почему — Сталин?	35
Агент охранки	52
Психопатология Сталина	59
Нарциссизм, мегаломания	73
Паранойя, фобии, страхи	87
Садизм, насилийственность, мстительность, жестокость	95
Актерство, притворство, мимикрия	100
Лицемерие, макиавеллизм	108
Гомосексуальность	118
Отношения с женщинами и детьми	123
Сталин — Гитлер, начало войны	134
Почему — Берия?	144
Вся королевская рать	173
«Дело врачей»	190
«Лаборатория Х»	208
Подготовка убийства Сталина	226
Убийство Сталина	234
Как всё было на самом деле?	283
Уничтожение Берии	293
Новые книги о Сталине	305